

Лит. Россия. — 1936. — 20 дек. — с. 6.

ТИРАН ТЕАТРА: СКАЗКА И БЫЛЬ

К 60-летию «Золотого ключика» А.Н. Толстого

«Из-за сцены высунулся человек, такой страшный с виду, что можно было окоченеть от ужаса... Выпученные глаза вращались, огромный рот лязгал зубами, будто это был не человек, а крокодил. В руке он держал семихвостую плетку. Это был хозяин кукольного театра, доктор кукольных наук синьор Карабас Барабас...».

И далее: «Куклы предо мною стелются травой... Погрожу лишь плеткой — мой народец кроткий песни распевает, денежки собирает в мой большой карман...» (из Карабасова гимна себе).

Эти строки, знакомые большинству из нас с детства, А.Н. Толстой опубликовал в 1936 году. С тех пор этот шедевр детской литературы прослыл бесхитростным переложением сочинения итальянца Карло Коллоди «Пинокио, или Похождения деревянной куклы». Между тем Алексей Николаевич, воспользовавшись сюжетной канвой оригинала, обогатил ее новыми красками и, как обнаружено недавно, злободневным подтекстом, рассчитанным на догадливость взрослых современников.

«В сказке в завуалированном виде содержится полемика с идеями формалистического театра, которыми руководствовался Мейерхольд, провозглашая необходимость воспитания «актера-марионетки», — сообщает И.Л. Галинская в научно-популярной работе «Загадки известных книг». — Именно такой театр, возглавляемый Карабасом Барабасом, сатирически изображен Толстым. Противопоставлен же ему в сказке театр папы Карло, то есть театр реалистический, эстетические и этические принципы которого указывают на МХАТ, руководимый Станиславским и Немировичем-Данченко».

Разумеется, В.Э. Мейерхольд шаржирован А.Н. Толстым весьма упрощенно, нарочито трагикомически, по-мейерхольдовски балаганно. В жизни фигура Всеволода Эмильевича была

В. Э. Мейерхольд.

куда сложнее, масштабней, демоничнее.

Даже признавая за талантливейшими актерами некоторую свободу самовыражения, Всеволод Эмильевич относился к ним как высшее существо к низшим, как многомудрый экспериментатор — к обреченным на послушание подопытным животным. С коллегами откровенничал не без цинизма: «Режиссер должен верить в своих актеров так же, как Павлов верил в своих обезьян».

Долго и терпеливо работавший с Мейерхольдом, но рано или поздно вынужденный порвать с ним, Игорь Ильинский писал: «Кризис, к которому пришел Театр Мейерхольда, был главной причиной моего ухода. Через три года кризис этот привел к закрытию театра... Мейерхольд крепко законсервировал себя как безусловного «вождя», несмотря на многие свои ошибки и спорные убеждения. Он держался вдали от своего коллектива, стал противопоставлять себя коллегам».

Они продолжали быть диктатором, стоящим выше всех... и думал уже не столько о «театре, созвучном эпохе», сколько о театре эпатирования, а главным образом — о театре одной актрисы, которой была его жена Райх».

Некогда Мейерхольд был режиссером и актером императорских театров, где не мог не считаться с уважаемыми в них традициями русской сцены. А после Октябрьской революции стал активнейшим их гонителем и разрушителем. 26 ноября 1917 года призвал «к отречению от России». Вскоре вступил в РКП(б). В 1920-м выдвинул левацки-радикалистский замысел «Театрального Октября» (в сущности, «Октябрем по театру» — именно так озаглавил Мейерхольд один из своих программных докладов). В конце 1920 года он безапелляционно предупредил: «На тех театрах, которые теперь функционировать, надо повесить замок». Борьбу с ними мечтал и старался превратить в реорганизационную «гражданскую войну».

Агрессивность «Театрального Октября» прямо проявилась даже внешне в мейерхольдовском изобретательстве милитаристского пошиба. Недовольные в жизни грозные фантазии «неистового Всеволода» доигрывались им на подмостках. Труппу он величал «солдатами моей Армии». Репетиции в его театре шли под надзором специального «штаба». Спектакли имели своих «комендантов» и часто включали батальные эпизоды с пальбой холостыми патронами, причем в зрительный зал тянулись клубы порохового дыма.

Речи идеолога-ниспровергателя пестрели военными терминами. Для пуши эффектности он щеголял в шинели, фуражке с красной звездой, френче, крагах. На стол своего кабинета демонстративно выкладывал маузер. Посетителей ошеломял с порога: их встречали у дверей часовые — вооруженные матросы. Впрочем, эти

маскарадные ухищрения не помогли Мейерхольду скрыть его управленческую бездарность, бросающуюся в глаза. С наркомпросовской должности он был выдворен уже в 1921 году.

Мейерхольд снова сосредоточился на режиссуре и с удвоенной энергией ударился в свои формалистические и нигилистические изыски.

Репетируя «Бориса Годунова» в вахтанговской студии, Мейерхольд русофобски скарлатинировал царя и бояр, нащупывая в разоблачительном раже возможность раздеть их догола (буквально). Важнейший в пьесе монолог Бориса «Достиг я высшей власти...» (якобы «неудачный» у Пушкина) должны были заглушать горбатые, хромые, убогие ворожеи, колдуны какофонией бормотания, заклиний, шаманства с бубнами, дудками и т.д.

В середине тридцатых годов Всеволод Эмильевич шлифовал свою версию «Бориса Годунова» к премьере в театре своего имени. Режиссеру мерещились в Московии на рубеже XVI — XVII веков «цивилизация для захватничества», «хищная алчность», «пыльный угар», «бесовски бесноватое начало», «сволочные приемчики самодержавного двора». Из инструкций артистам: «надо отатарить» царя, рельефно отчеканить в нем и его окружении «скифство, азиатчину». Шуйский (будущий государь) как российский дикарь «должен прогнать слуг пинками сапогом», разгульно бражничать со «скотоподобными участниками княжеского застолья» (налакавшись, «одни поют, здорово фальшивя, другие мычат: стадо коров»; с пира «гости почти уползают» под стать пресмыкающимся). Патриарх Московский и всея Руси Иов — «полуфанатик-полуплут», «очковитатель», «мракобес», «тоже политик», который «может человека убить»...

Михаил Булгаков в «Роковых яйцах» предрек Мейерхольду гибель под обломками затейливых циркачески-сценических конструкций в 1927 году «при постановке пушкинского «Бориса Годунова», когда обрушилась трапедия с голыми боярами». Дескать, сверхноватор сам обрек себя пасть жертвой собственных новаций. Его ждала действительно трагическая смерть, однако последовала она позже, при иных обстоятельствах.

Лев БОБРОВ